

- ³⁹ Milton K. Protein and Carbohydrate Resources of the Maku Indians of Northwestern Amazonia // *American Anthropologist*. 1984. V. 86. № 1.
- ⁴⁰ Demesse L. Changements ...
- ⁴¹ Spencer P. Nomads in Alliance. Symbiosis and Growth among the Rendille and Samburu of Kenya. L., 1973. P. 214.
- ⁴² Berntsen J. L. The Maasai ... P. 3, 5, 6.
- ⁴³ Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. С. 151, 152.
- ⁴⁴ Winter J. C. Language Shift... P. 188, 189.
- ⁴⁵ Wheelersburg R. P. Royal Swedish Taxation of the Saami in the Late Middle Ages as Native Harvest Data: a Model of a Reindeer Hunting Society // Sixth International Conference on Hunting and Gathering Societies. Fairbanks, 1990. V. 2. P. 1084—1085.
- ⁴⁶ О масаях см. Spencer P. The Samburu. A Study of Gerontocracy in a Nomadic Tribe. L., 1965. P. 282; Galaty J. G. Being «Maasai», Being «People-of-Cattle»: Ethnic Shifters in East Africa // *American Ethnologist*. 1981. V. 9. № 1. P. 9.
- ⁴⁷ Berntsen J. L. The Maasai... P. 6.
- ⁴⁸ Шнирельман В. А. Позднепервобытная община ... С. 331; Ferguson R. B. Game Wars? Ecology and Conflict in Amazonia // *Journal of Anthropological Research*. 1989. V. 45. № 2. P. 186.
- ⁴⁹ Spencer P. Nomads... P. 143.
- ⁵⁰ Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. С. 135—148.
- ⁵¹ Там же. С. 140, 142, 147; Simoons F. J., Baldwin J. A. Breast-Feeding ... P. 422, 425, 428, 429.
- ⁵² Peterson J. T. The Ecology... P. 124; Furer-Haimendorf C., von. The Chenchus. Jungle Folk of the Deccan. L., 1943. P. 73, 74.
- ⁵³ Крупник И. И. Арктическая этноэкология. С. 154.
- ⁵⁴ Шнирельман В. А. Доместикация животных и религия // *Исследования по общей этнографии*. М., 1979.
- ⁵⁵ Шнирельман В. А. Производственные предпосылки разложения первобытного общества // *История первобытного общества. Эпоха классобразования*. М., 1988. С. 49.
- ⁵⁶ Naaland G. Economic Determinants in Ethnic Processes // *Ethnic Groups and Boundaries*. Bergen; Oslo, 1969. P. 63, 64.
- ⁵⁷ Berntsen J. L. The Maasai... P. 1, 4, 5; Spencer P. The Samburu. P. 286.
- ⁵⁸ Nicolaisen J. The Penan of Sarawak. Further Notes on the Neo-Evolutionary Concept of Hunters // *Folk*. 1976. V. 18. P. 210—212; Cashdan E. A. The Effects... P. 315.
- ⁵⁹ Gabus J. Oualata et «Gueimaré» des Nemadi. Neuchâtel, 1977.
- ⁶⁰ Betts A. The Solubba: Nonpastoral Nomads in Arabia // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1989. V. 274. P. 61—69.
- ⁶¹ Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970.
- ⁶² Nicolaisen J. The Negritos of Casiguran Bay. Problems of Affluency, Territoriality and Human Aggressiveness in Hunting Societies of Southeast Asia // *Folk*. 1974/1975. V. 16—17. P. 422, 423.

© 1991 г.

С. А. Арутюнов, В. И. Васильев, Р. Ш. Джарылгасинова

ДРЕВНИЕ УРАЛЬСКО-ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

(на материалах жилища)

При всем разнообразии форм жилища, присущих различным народам, говорящим на уральских и, шире, на урало-алтайских языках, и их соседям в Северной, Центральной и Восточной Азии, многие из них восходят к конструктивным приемам и семантическим представлениям, сложившимся, возможно, еще в палеолите. Тогда в Северной и Восточной Азии были распространены более или менее заглубленные, округлые или полуокруглые в плане жилища с очагом, расположенным близко к центру, напротив входа. Такие жилища имели конические или пирамидальные жердевые каркасы с кожаномеховым или корьевым покрытием. Археологические материалы этого огромного региона эпох неолита, бронзы и раннего железа, а также и этнографические фиксации позволяют наметить по меньшей мере четыре линии дальнейшего

развития жилищ, восходящих к этой общей палеолитической основе. Во-первых, прямоугольные наземные жилища, возникновение которых связано скорее всего с развитием земледельческих культур (корейцы, японцы Северного Хонсю, айны). Во-вторых, углубленные полуземлянки овальной или прямоугольной формы со столбовой конструкцией стен, выполненных из камня, плавника или китовых костей, конусовидной или пирамидальной крышей из наклонных жердей и входом-коридором, ориентированным в сторону водоема (древние эскимосы Берингоморья и приморские чукчи). В-третьих, углубленные полуземлянки прямоугольной формы с засыпным каркасом, прямоугольным очагом, крышей из жердей, как правило в форме усеченной пирамиды, и входом через дымовое отверстие над очагом (ительмены, береговые коряки, нивхи). В-четвертых, разборные переносные жилища типа чума, яранги и юрты (северные самодийцы, тунгусы, оленные чукчи и коряки, тюркоязычные и монголоязычные кочевники Средней и Центральной Азии).

На первый взгляд все эти весьма различные конструкции имеют между собой мало общего. Однако между ними можно найти промежуточные формы и проследить переход от заглубленных и полузаглубленных жилищ, например корейского или японского неолита, к наземным и реконструировать переход от жилищ круглых в плане к подпрямоугольным и прямоугольным. Соотношение различных линий развития традиционного жилища указанных типов сравнительно мало освещено в научной литературе, хотя работ по отдельным типам жилищ довольно много. Особо следует отметить диссертацию Н. Н. Гуцол, в которой традиционные жилища народов Северо-Восточной Азии сопоставлены с типами традиционных жилищ коренных народов Нового Света¹. Работа эта имеет большое значение для рассматриваемой в данной статье темы. Однако в работе Н. Н. Гуцол освещены преимущественно архитектурно-конструктивные и функциональные аспекты традиционного жилища, тогда как мы собираемся основное внимание обратить на поведенческие и семиотические особенности организации и осмысления жилого пространства.

При всем различии названных выше типов жилищ в них определенно выражена общая концептуальная закономерность: наличие трехэлементной сакральной оси «вход — очаг — священное место» с ориентировкой входа преимущественно на юг или вниз по рельефу. Вокруг этой оси распределяются участки жилого пространства с выраженным соблюдением оппозиции мужского — женского, сакрального — профанного, престижного — непрестижного.

Можно предполагать, что такое семантическое осмысление жилого пространства играло важную роль в поддержании стабильности эволюционных линий жилищ этих типов. По вполне понятным причинам объем наших знаний о жилищах эпохи палеолита довольно скуден. Наиболее известны реконструкции палеолитических жилищ по данным европейских стоянок: Терра Амата во Франции, Мезин и Межиричи на Украине и ряд других, которые не имеют прямого отношения к данной теме. Из территориально более близких отметим жилища стоянок Мальта на левом берегу р. Белая и Буреть на правом берегу Ангары в Прибайкалье, для которых строительным материалом служили кости мамонта и шерстистого носорога. Непосредственные аналогии они находят в чукотско-эскимосских валькарах — полуземлянках с каркасом из китовых костей и покрытием из шкур. Из всех реконструкций жилищ палеолита наибольший интерес для нас представляют, с одной стороны, палеолитические жилища Ушковской стоянки на Камчатке, с другой — верхнепалеолитическое жилище на стоянке Сокчанин в Южной Корее.

Древнейшие верхнепалеолитические жилища, раскопанные Н. Н. Диковым в долине р. Камчатки и датированные им $13\,600 \pm 250$ — Ушки I и $14\,300 \pm 200$ — Ушки V, отличались чрезвычайно большими размерами (1320 м^2 вскрытой площади на первом памятнике и 150 м^2 — на втором), были сдвоенными и имели каждое несколько расположенных в центре очагов.

Более поздние по времени жилища из того же региона (Ушки — $10\,360 \pm$

350, 10760 ± 110) представлены несколькими разновидностями, одна из них — неглубокая полуземлянка, пятиугольная по форме, с очагом в центре, обложенным крупными камнями, дымовым отверстием над ним и следами от четырех столбов, стоявших по сторонам очага. На эти столбы, как предполагает Н. Н. Диков, опиралась рама входа через дымовое отверстие. Кроме того, имелся и запасной коридорообразный вход в жилище с запада, от берега озера².

Описанное жилище на сегодняшний день представляет самый древний прототип известных этнографии северо-востока Азии и северо-запада Америки полуземлянок со входом через дымовое отверстие, расположенным над очагом. На юге Дальнего Востока древнейшее углубленное жилище раскопано в 1968 г. А. П. Окладниковым в верхнем слое Устиновского позднелолитического поселения³.

Дальнейшее развитие жилищ этой конструкции прослеживается на неолитических землянках Камчатки и Северного Сахалина. На Камчатке (Ушки III) Н. Н. Диков раскопал неолитическое жилище, имевшее центральную прямоугольную раму, в которую упирались верхние концы жердей перекрытия⁴. На Северном Сахалине за период с 1956 по 1984 г. раскопано 22 жилища IV—I тыс. до н. э., восемь из которых представляли собой слегка углубленные в грунт (на 0,5—0,7 м) полуземлянки округлой либо овальной формы с площадью в пределах от 24 до 42 м². В центре каждой полуземлянки располагался очаг, не имевший какого-либо ограждения или обкладки. Над очагом находилось отверстие для выхода дыма, служившее одновременно и входом. Спускались в жилище и поднимались из него по особой лестнице — наклонному столбу с зарубками-ступенями. Два или три жилища дополнительно имели и наземные (боковые) выходы (входы), но, как пишет один из археологов — исследователей сахалинских полуземлянок О. А. Шубина, такая конструктивная деталь не была характерна для жилищ подобного типа⁵.

Ушковские строительные традиции прослеживаются и в конструкции неолитических жилищ Приамурья и Приморья⁶.

О. А. Шубина высказывает очень продуктивное, с нашей точки зрения, соображение относительно сохранения преемственности в конструкции полуземлянок с надочажным входом в условиях северо-востока Азии и Дальнего Востока на протяжении длительного исторического периода. Как она пишет, климат Сахалина, с его длинными и суровыми зимами, устойчивым снежным покровом, частыми метелями, постоянными циклонами и тайфунами, не менялся на протяжении тысячелетий. В аналогичных климатических условиях проживали и другие народы севера Тихоокеанского побережья по берегам обоих материков. Жилища полуподземного типа с углубленным основанием-котлованом, стенами и крышей из бревен, дерна и земли и входом через дымовое отверстие наиболее полно отвечали этим условиям⁷. По мнению А. И. Лебединцева, появление углубленных жилищ обуславливалось хозяйственной деятельностью древних жителей Дальнего Востока, в которой ведущее место принадлежало рыболовству (в частности, Ушковское озеро отличалось разнообразной и богатой ихтиофауной)⁸. С ним солидарен Д. Л. Бродянский, который приходит к подобному выводу, основываясь на материалах Приамурья и Приморья⁹.

Самое раннее по времени этнографическое описание углубленных жилищ с засыпным каркасом и входом через дымовое отверстие относится ко второй половине XVIII в. и принадлежит С. П. Крашенинникову, участнику II Камчатской экспедиции, впоследствии академику Российской академии наук, наблюдавшему подобное жилище на Камчатке у коренных жителей полуострова ительменов. Как явствует из текста С. П. Крашенинникова, основным зимним жилищем аборигенам Камчатки служила углубленная в землю (примерно в 1,5 м) юрта со стенами из бревен и жердей и жердевым потолком, утепленным засыпкой из земли и травы. «Снаружи, — писал С. П. Крашенинников, — такая юрта имеет вид небольшого круглого холмика, но внутри она четырехуголь-

ная»¹⁰. Очаг находился вблизи одной из боковых стен между вертикальными столбами, на которых крепился потолок (так же, как и в жилищах неолитических обитателей Северного Сахалина), с устроенным в нем отверстием для выхода дыма. Это отверстие одновременно служило входом в полуземлянку; для спуска и подъема использовалась специальная лестница-стремянка, расположенная над очагом. Обращает на себя внимание и такая деталь интерьера ительменской полуземлянки, как расположение спальных мест. Лавки ставились только вдоль боковых стен, напротив очага помещались посуда и хозяйственная утварь¹¹. Подобная же (с некоторыми вариациями) планировка интерьера была характерна и для переносных жилищ Евразийского Севера, в частности для чума самодийских народов.

Конструктивно несколько отличалось от ительменской полуземлянки жилище приморских чукчей того же времени, известное по описанию участника Северо-Восточной географической экспедиции К. Г. Мерка. «...Снаружи,— сообщает он,— землянки покрыты дерном, закруглены и возвышаются над уровнем земли только на несколько футов. Сбоку наверху имеется четырехугольное отверстие, через которое опускаются в землянку. Вокруг этого наружного входа, за исключением места для прохода, стоят по кругу китовые челюсти, в сечении примерно в полторы сажени и высотой до семи футов. Сверху они покрыты китовыми ребрами, а поверх них — дерном.

Через упомянутый вход попадаешь сначала в сени, или проход, равный по длине землянке...»¹²

В. И. Иохельсон исследовал этот тип жилища по материалам конца XIX в. у народов Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки¹³. Все описанные им жилища имели свои специфические особенности, различались деталями конструкции крыши, входа, интерьера. Основываясь на материалах В. И. Иохельсона, О. А. Шубина отмечает, что общим в этих жилищах оставалось главное — «углубленное в землю основание и наличие отверстия в крыше, служившего дымоходом, окном и выходом, а иногда и тем и другим сразу»¹⁴.

В сочинении В. И. Иохельсона наиболее детально была представлена нивхская полуземлянка (описание которой В. И. Иохельсон почерпнул из работы Л. И. Шренка). При общем конструктивном сходстве с жилищами аналогичного типа особенностью полуземлянки нивхов являлась конструкция очага. Он представлял собою сколоченную из досок деревянную раму, заполненную утрамбованной землей. Размещался очаг обязательно в центральной части жилища. Над очагом устраивалось дымовое отверстие. На рубеже XIX—XX вв. оно уже не использовалось в качестве входа и выхода. Существовал специальный наземный вход — низкий коридор, прикрытый сверху жердями и сухой травой, который вел снаружи в жилое помещение. Коридор не имел определенной ориентации по странам света и устраивался обычно со стороны, наиболее защищенной от ветра¹⁵.

В том, что наземный вход в нивхскую полуземлянку — явление сравнительно позднее, убеждает анализ терминов, служивших для обозначения таких понятий, как «входить» (в жилище), «выходить» (из жилища) в языке аборигенов Дальнего Востока. Так, например, наиболее точный перевод с нивхского слова *входить* — «нырнуть», соответственно *выходить* — «вынырнуть». Эти понятия, как нам представляется, отражают древние конструктивные особенности входа и выхода в полуземлянку через дымовое отверстие.

Нельзя не указать в этой связи и на отмеченные в свое время Л. Я. Штернбергом некоторые старинные церемониальные действия нивхов, совершаемые при проведении медвежьего праздника. По данным этого исследователя, человек со шкурой и мясом убитого медведя спускался в полуземлянку исключительно через дымовое отверстие, сквозь него же передавалась наверх и вся праздничная атрибутика¹⁶.

В контексте изучения генезиса жилища народов Евразии большой интерес представляет открытие палеолитического жилища в Корее на стоянке Сокчанин

(провинция Южная Чхунчхон, уезд Конджу), культурные слои которой по радиоуглеродному методу датируются от $30\,690 \pm 3000$ до $20\,830 \pm 1880$ лет назад. Жилище обнаружено в культурном слое, который сформировался $20\,830 \pm 1800$ лет назад в климатических условиях одного из вюрмских интерстадиалов, довольно близких к современным. Жилище было ориентировано входом на юго-запад. Вход в жилище расположен напротив реки. Очажная яма была севернее входа. Жилище реконструируется как не вполне правильная четырехскатная пирамидальная постройка, крытая корьем или другими органическими материалами, причем крыша опиралась на несколько центральных столбов, сходящихся у дымового отверстия, к которым были прислонены наклонные несущие крышу шесты. Пол жилища был очень слабо заглублен (до 1 м), низ крыши снаружи, очевидно для прочности, был присыпан мелкими камнями. Вход с двух сторон ограничивали две крупные каменные глыбы.

Примечательны находки внутри жилища изображений из камня (или на камне) различных животных, среди которых собака, птица, кит, кабан, черепаха. Многие из этих изображений были найдены вдоль восточной (правой от входа и от очага) стены — ограждения жилища¹⁷.

Несмотря на отсутствие пока документированных промежуточных звеньев, представляется вероятным, что именно к жилищам такого рода, как Сокчанны, восходят неолитические постройки многих народов Восточной Азии. В Корее традиции палеолитического жилища стоянки Сокчанны прослеживаются в некоторых постройках периода неолита. Богатый материал по жилищу периода неолита и бронзы свидетельствует о том, что уже в неолите на территории Кореи не только существовало несколько типов построек, но и происходил интенсивный переход от углубленного жилища округлой или эллипсоидной формы с очагом в центре напротив входа к наземному прямоугольному жилищу с особой системой отапливаемого пола.

В 1971 г. во время посещения Этнографического музея в Пхеньяне одному из авторов довелось видеть макет, изображающий неолитическую стоянку рыболовов и земледельцев. Используя богатый археологический материал, корейские ученые реконструировали древнюю полуземлянку со световым окном на крыше. Письменные источники, например китайские летописи «Саньгочжи» (III в. н. э.) и «Хоуханьшу» (V в. н. э.), сообщают о том, что в первых веках нашей эры у многих древнекорейских народов бытовала землянка. Наиболее широко этот вид жилища был распространен у народа ымну (илоу), проживавшего на северо-востоке расселения древних корейских народов вдоль Тихоокеанского побережья. «Обитают они среди гор и лесов, — писал Чэнь Шоу, автор „Саньгочжи“, — обычно в подземных жилищах, причем большие семьи делают их глубиной в девять (лестничных?) ступеней, и чем больше ступеней, тем считается лучше жилье» (перевод М. Н. Пака)¹⁸.

Материалы исторической этнографии свидетельствуют о том, что полуземлянки и землянки сохранялись в корейском быту довольно долго, в том числе и как жилища бедняков. В стихотворении корейского поэта XVII—XVIII вв. Ким Сутяна «Три соседа» говорится: «Сосед мой живет в лачужке, на птичье гнездо похожей. Другой ютится в землянке с тремя ступеньками вниз»¹⁹. В качестве хозяйственных или временных построек землянки и полуземлянки бытовали в Корее до недавнего времени.

В первых веках нашей эры в Корее были распространены и свайные постройки — амбары для хранения зерна, храмовые строения. Возможно, свайный постройки восходят к элементам культуры, имеющим южное происхождение²⁰, к так называемому индонезийскому типу. Изображения свайных построек сохранились в росписях когурёских гробниц (IV—VII вв. н. э.)²¹. Как неперенная часть дворцовых и храмовых комплексов, созданных в период средневековья и нового времени, свайные постройки сохраняются в Корее и в наши дни.

И все же преобладающим типом корейского традиционного жилища являет-

ся наземное каркасно-столбовое одноэтажное строение, прямоугольное в плане, расположенное на земляном цоколе высотой до 40—50 см (стенки которого укреплялись камнями); корейское жилище имеет особую систему отопления (ондоля), проложенную под полом жилых комнат²². Интересно, что даже в этом жилище можно выявить элементы, восходящие к палеолитическому архетипу. Это, например, расположение топки ондоля (всегда находящейся ниже уровня земляного пола кухни) напротив входа в жилую часть дома. Прослеживается и древняя семантическая связь вход — очаг — священное место: так, противоположная очагу (в корейском доме — топке ондоля) часть жилой комнаты с теплым полом считается самой почетной, престижной, здесь располагаются алтарики, здесь едят и проводят досуг старшие члены семьи²³.

В Японии неолитические жилища наиболее хорошо изучены на материалах стоянок культур дзёмон и яёй. Это прежде всего жилища, известные под названием *татэана*. Татэана была преобладающим жилищем в Японии с эпохи неолита. Овальная в плане, иногда близкая к прямоугольной, татэана заглублялась в землю примерно на метр или чуть более. Она имела как вертикальные столбы, поддерживающие коньковую балку, так и наклонные, верхним концом опирающиеся на конек шести-слегги, видимо, соединенные поперечными жердями, на которые накладывалась рядами снопиков камышовая кровля.

Хотя уже на рубеже нашей эры, а возможно и ранее, в Южной Японии широко распространяется свайное жилище индонезийского типа, структура которого наиболее полно сохранилась в архитектуре таких старинных синтоистских храмов, как Исэ-но-дзингу, тем не менее еще в эпоху Нара, т. е. до IX в., в Центральной Японии значительная часть крестьян жила в татэанах²⁴.

Судя по глиняным моделям эпохи поздней курганной культуры (IV—VI вв.), конек кровли тоже оплетался камышом, и таким образом внешне татэана была очень похожа на крышу традиционного японского крестьянского дома, только возведенную не над стенами, а прямо на земле.

Беднейшие слои японского общества, так называемые эта, т. е. парии — неприкасаемые, еще в средние века жили в жилищах *этамуро* («хижины эта»), очень похожих на татэаны, и даже в начале XX в. этамуро использовались ими же как рабочее помещение для изготовления плетеных изделий.

Классический японский дом строится на невысоких сваях, но на севере Японии до наших дней сохранились крестьянские дома с земляным полом, в которых крыша, по конструкции во многом сходная с крышей татэаны, опирается на высокие и мощные вкопанные в землю столбы. Промежутки между столбами, как и кровля, зашиты плотно прижатыми друг к другу снопами камыша, причем каждый ряд снопов внахлест налегает на расположенный ниже ряд.

Такое жилище лишь более сложной планировкой, большими размерами и массивностью и добротностью конструкций отличается от айнского дома.

Айнский дом чаще всего наземный, иногда частично заглубленный в землю, тогда как амбары бывают подняты на высоких сваях. Структура дома каркасно-столбовая. Столбы не толстые, но их много, и стоят они довольно густо по всему периметру. Если дом небольшой, то крыша опирается только на них, без центральных столбов, несущих коньковую балку, как это бывает и в небольших по размеру татэанах. И крыша, и стены обычно делались из камышовых снопов. Коньковая балка обычно очень короткая, держали ее наклонные слегги-стропила, опирающиеся на верхний венец (нижний отсутствует), и крыша в целом имеет почти пирамидальную форму, ибо поперечные (торцовые) стены лишь ненамного короче боковых продольных. Вход в торцовой стене обращен обычно на запад, но обязательно вниз по течению реки, и для лучшего сохранения тепла снабжен сенями. Вход в сени и два окна (одно меньше другого) смотрят соответственно на юг, следовательно, обычно в сторону реки (так как строят чаще на правом, высоком берегу). Маленькое ритуальное «окно богов» (*камуй-пояра*) делается также в задней торцовой стене, напротив входа, и смотрит обычно на восток и на верховья реки²⁵.

Генетически айнский дом (*чисэ*) восходит скорее всего к жилищу типа татэзаны, но обрядность при его возведении сохраняет, по-видимому, память о бытовании чума. А именно: прежде чем строить новый дом, выравнивают не всю будущую площадку, а лишь часть ее. Здесь ставят треножник из трех шестов высотой до 2 м. Под ним подвешивают на крюке котелок, под которым разводят символический огонь. И шести, и крюк украшают культовыми стружками *инау*. Помолвившись, строитель дома ложится спать, и если видит неблагоприятный сон, то ищет другое место для строительства. Если же сон «в руку», площадка расчищается полностью и приступают к строительству.

Поскольку возведение чума обязательно начинается с постановки трех основных шестов, к которым потом добавляются остальные, можно думать, что каким-то далеким предкам айнов чум был не только известен, но и служил основным жилищем, и лишь позднее, с переходом к оседлому образу жизни, сменился жилищем прямоугольного плана.

Дом у айнов всегда был однокамерным (не считая сеней), с земляным полом, плотно устланным сеном, поверх которого клались циновки. Очаг находился в центре²⁶. Места сидения распределялись по строгой шкале престижности. Ближе всего к входу, спиной к нему, сидели младшие и зависимые. Это были «низшие» места. Напротив входа, наоборот, находилось «высшее» место, для особо почетных гостей. По правую руку от него, т. е. по левую от входящего, находились «правые» места, где сидели хозяева дома — дальше всех от входа хозяин, рядом хозяйка и члены семьи. «Левые» места предназначались для рядовых гостей, а в отсутствие гостей здесь сидели члены семьи. За спиной «левых» мест находились световые окна, а за спиной «высшего» места было «окно богов», обычно завешенное циновкой. Подходить к нему и тем более заглядывать в него не разрешалось.

В левом дальнем углу, т. е. слева от «окна богов», хранились основные ценности дома и лакированная посуда для браги, а над ними висели мечи. Под самым камуй-поюра устанавливались домашние *инау* (культовые композиции из стружки), т. е. это была своего рода божница.

Поскольку камуй-поюра обычно держалось закрытым, а открывалось исключительно для ритуальной передачи через него предметов сакрального значения, можно предположить, что и «окно богов» — это своего рода реминисценция входа в землянку через дымовое отверстие. Даже после того как для входа в жилище айнов (как и у нивхов) стали использовать коридор, ритуальное передвижение продолжало осуществляться через дымовое отверстие. Археологических данных, к сожалению, недостаточно для суждения о символических и поведенческих нормативах, связанных с татэзаной, не говоря уже о жилищах палеолита. Все же отметим, что углубление от хозяйственной ямы в Сокчани находилось к востоку от столбов.

Однако общая парадигма распределения мест и их функций относительно входа прослеживается более или менее однозначно на чрезвычайно широком материале. В традиционном чуме (*мя* — ненец.) северосамодийских народов (ненцы, энцы, нганасаны) огонь всегда раскладывался на специальном железном листе в центре жилища. По обеим сторонам от костра, отделенные от него несколькими деревянными досками (*латы* — ненец.), на специальных циновках из хвойных лап или ивовых прутьев и травы, покрытых сверху оленьими шкурами-постелями, размещались спальные места. Строгого распределения на мужскую и женскую части в чуме не было; на ночь хозяева обычно располагались справа от входа, гости — слева. Позади костра ставился специальный шест (*симсы* — ненец.), в котором, согласно повериям, помещался дух хозяина чума (*мя еру* — ненец.). Иногда на этом шесте вырезались личины, символизировавшие облик духа-хозяина. Место позади *симсы* считалось священным, там хранились семейные идолы (*сядэи* — ненец.), позже православные иконы, в наше время чаще всего бытовые предметы, чемоданы и баулы с вещами, радиоприемники. *Симсы* исчезли из чумов, но запрет для женщин

совершать обход костра со стороны священного места сохраняется и в наши дни.

В эвенкийском чуме (*дю*) и его стационарном варианте (*голомо*) место за костром является жилым; именно там чаще всего располагаются хозяева. Такая же планировка устанавливается и в традиционных селькупских полужемлянках и юртах конца XIX — начала XX в.

В наиболее полном и оформленном виде, пожалуй, эта парадигма выступает в монгольской юрте. Оформленное в виде деревянного круга-колеса дымовое отверстие (*тоно*) юрты, подобно циферблату часов, было разбито на 12 частей, расстояние между которыми солнечный луч проходил за два часа реального времени. Каждый двуденный час имел название в соответствии со знаками зодиака монгольского календаря — мыши, быка, тигра, зайца, дракона, змеи, коня, овцы, обезьяны, петуха, собаки, свиньи²⁷. Следовательно, вход, юг и полдень находились под знаком лошади, противоположное входу место было под знаком мыши, севера и полночи. Каждое животное, по-видимому, символически отражало хозяйственную и бытовую функцию соответствующей части юрты. Понятно, что коновязь находилась у входа, здесь же неподалеку, под знаком лошади, слева от входа в мужской части юрты находятся седло и упряжь. Под знаком овцы (юго-запад) содержали в холодное время маленьких ягнят.

К сожалению, пока еще не все знаки животного цикла поддаются однозначной символической интерпретации. Так, неясно, какое значение имеют обезьяна (запад — юго-запад) и свинья (северо-северо-запад). Кстати, эти животные чужды природе Центральной и Северной Азии и быту ее кочевого населения. Но те животные, которые органически присущи этому быту, не только поддаются интерпретации, но и осознаются еще сегодня кочевниками как олицетворяющие определенные качества и значения. Под знаком быка (северо-восток) хранился провиант (вспомним хозяйственную яму в Сокчани). Мышь — знак богатства, символ накопления, здесь хранят самое дорогое имущество, здесь же находится алтарь со священными объектами, здесь же сажают почетных гостей (вспомним камуй-пояра айнов). Собака — символ охоты, здесь, в северо-западной части юрты, хранится оружие (у айнов это чаще северо-восточная часть, но все равно это дальний левый угол от входа). Дракон — символ воды, и под его знаком в юго-восточной части юрты стоят сосуды с водой. Заяц — символ плодовитости, и здесь, у западной стенки, находится ложе хозяйки дома.

Более или менее сходное распределение функций мы находим и в других районах Евразии, и даже у индейцев Северной Америки, например в *типи* у индейцев прерий, хотя и не в столь детально и четко выраженном виде. Даже у адыгов и других народов Кавказа младшие всегда располагаются поближе к входу. Чаще всего хозяин, почетный гость или тамада занимают почетное место за столом (*жанта*) на противоположной входу в помещение стороне стола, лицом к входу, или в дальнем левом от входа углу; если в помещении висит декоративное оружие, то оно будет висеть в этой стороне, а женщины, если и сядут за стол, то по краю стола, правому от входа²⁸.

Особенно ценен в интересующем нас плане туркменский материал, так как здесь можно проследить, как пространственная символика, базирующаяся на членении юрты, в несколько преобразованном виде продолжает сохранять свою действенность и при переходе к постоянному однокамерному и многокамерному жилищу прямоугольного плана, и даже в случае обрядового размещения людей под открытым небом (во время свадебного пира)²⁹.

Подводя итоги вышесказанному, можно констатировать, что на обширных пространствах Северной, Центральной, отчасти и Восточной Азии, от Урала до Тихого океана, у народов, говорящих на урало-алтайских и палеоазиатских, а отчасти и некоторых других языках, в жилище, при всем многообразии его типов, прослеживаются вполне определенные общие архетипические моменты его внутреннего осмысления. Что же касается собственно материальной части

жилища, его конструкции, то и она, при всем ее многообразии, в основных чертах восходит к некоторому набору прототипов, прослеживаемых на этой обширной территории с глубочайшей древности.

Примечания

- ¹ Гуцол Н. Н. Традиционные жилища коренных народов Северо-Востока Азии и Северо-Запада Америки (этногенетический и этнокультурный аспекты): Автореферат канд. дис. М., 1989.
- ² Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979. С. 32, 33; *его же*. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М., 1977. С. 52, 55.
- ³ Окладников А. П. Раскопки у с. Устиновка на р. Тадуши // Археологические открытия 1968 г. М., 1969. С. 216.
- ⁴ Диков Н. Н. Археологические памятники... С. 82—84.
- ⁵ Шубина О. А. Жилище аборигенов Северного Сахалина по археологическим и этнографическим источникам // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986. С. 7, 8, 11, 12.
- ⁶ Деревянко А. П. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск, 1970.
- ⁷ Шубина О. А. Указ. раб. С. 13.
- ⁸ Лебединцев А. И. О происхождении углубленных жилищ севера Дальнего Востока // Новейшие данные по археологии севера Дальнего Востока. Магадан, 1980. С. 70.
- ⁹ Бродянский Д. Л. Археологические источники по истории жилищ народов Приамурья и Приморья // Вопросы источниковедения и историографии. Владивосток, 1975. Вып. 4. С. 65.
- ¹⁰ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М., 1948. С. 167.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции 1785—1795 гг. Магадан, 1978. С. 106—108.
- ¹³ Иохельсон В. И. Древние и современные подземные жилища племен Северо-Восточной Азии и Северной Америки // Ежегодник Русского антропологического общества. Т. 2. СПб., 1908. С. 24—26.
- ¹⁴ Шубина О. А. Указ. раб. С. 19.
- ¹⁵ Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. 2. СПб., 1908. С. 13; Таксами Ч. М. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалин // Сибирский этнографический сборник. Т. 3. М.; Л., 1961. С. 112.
- ¹⁶ Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. С. 17, 18.
- ¹⁷ Сон Поги. Культурные слои раннего и среднего палеолита в Соккани // Изучение истории Кореи. Т. 7. Сеул, 1972. С. 1—58 (на корейск. яз.); История Кореи. Древность. Доисторическая культура Кореи. Т. 1. Сеул, 1973. С. 36—39 (на корейск. яз.); Ларичев В. Е. Палеолит Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Новосибирск, 1976; Пак М. Н. Очерки ранней истории Кореи. М., 1979. С. 22—25.
- ¹⁸ Пак М. Н. Описание корейских племен начала нашей эры (по Саньгочжи) // Проблемы востоковедения. 1961. № 1. С. 125.
- ¹⁹ Корейские шестистишия. Пер. с корейского А. Жовтиса и П. Пак Ира. Алма-Ата, 1956. С. 135.
- ²⁰ Крюков М. В. Древнее жилище народов Китая // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979. С. 132, 133.
- ²¹ Джарылгасинова Р. Ш. Древние когурёсцы (К этнической истории корейцев). М., 1972. С. 109 (рис.).
- ²² Ли Чонмок. Изучение корейского сельского жилища. Пхеньян, 1961 (на корейск. яз.); Джарылгасинова Р. Ш. Жилище корейцев // Типы традиционного сельского жилища... С. 217, 218; Музей человека. Наш маленький мир. Карманный путеводитель. Инуяма, 1983. С. 66—69 (на японск. яз.). Особенности корейского традиционного жилища южных провинций Кореи авторы имели возможность изучать и в экспозиции под открытым небом Японского этнографического музея «Наш маленький мир. Музей человека» в Инуяме. Полевые записи В. И. Васильева и Р. Ш. Джарылгасиновой (Япония, Инуяма, 1988 г., апрель).
- ²³ Об этом свидетельствуют и полевые материалы, собранные среди корейцев Средней Азии и Казахстана.
- ²⁴ Арутюнов С. А. Жилище народов Японии // Типы традиционного сельского жилища... С. 229.
- ²⁵ Арутюнов С. А. Указ. раб. С. 247—248; The Little World—Museum of man Inuyama. Б. Г. С. 13; Музей человека. С. 64, 65.
- ²⁶ Особенности планировки айнского дома, а также айнской усадьбы авторы имели возможность изучать в Японском этнографическом музее «Наш маленький мир. Музей человека» в Инуяме, в разделе экспозиции под открытым небом. Айнская усадьба в этой экспозиции была расположена у подножья холма, на берегу небольшого ручья. Вход жилого дома был ориентирован на этот ручей. Полевые записи В. И. Васильева и Р. Ш. Джарылгасиновой (Япония, Инуяма, 1988 г., апрель).
- ²⁷ Егоров В. Л., Жуковская Н. Л. Жилище населения Монгольской Народной Республики // Типы традиционного сельского жилища... С. 204, 205.

²⁸ Бгажноков Б. Х. Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов // Сов. этнография. 1987. № 2; *его же*. Организация пространства и этикет // Там же. 1983. № 4.
²⁹ Бердыев М. С. Трансформация традиционной системы питания туркмен в наши дни // Сов. этнография. 1985. № 1. С. 94—97.

© 1991 г.

Т. А. Листова

КУМОВЬЯ И КУМОВСТВО В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

В советской этнографической науке, особенно в последние годы, большое внимание уделяется изучению бытового православия как социально-культурного и социально-исторического явления. Такое внимание можно объяснить не только потребностью расширить наши знания о традиционной культуре народа. Обращение к прошлому необходимо и для понимания многих явлений современности. Изучение культуры современного села свидетельствует о сохранении и в наши дни различных представлений и обычаев, порожденных религиозной сферой. Выявление особенностей их функционирования, соотношения с народным мировоззрением и всем укладом жизни второй половины XIX — первой четверти XX в. облегчит понимание причин и особенностей их бытования в наши дни.

Статья посвящена некоторым обычаям и воззрениям, связанным с главными персонажами обряда крещения — восприемниками, занимавшими особое место в обычаях и представлениях русского крестьянства. Такая роль восприемников определялась важностью церковного обряда крещения для русского крестьянства XIX — начала XX в., оказавшегося наиболее живучим религиозным обрядом нашего времени. Восприемники выполняли двоякую роль: религиозно-магическую (отрекаясь за окрещиваемого от дьявола, отдавали его под защиту христианских святых) и социальную (приобщали крестника к социальной общности, в данном случае к православной общине).

Исполнение обрядовых функций создавало новые взаимоотношения между восприемниками, их крестниками и родителями крестников. Эти отношения назывались церковью «духовное родство». По народной терминологии, которую и мы будем употреблять в дальнейшем, восприемники по отношению друг к другу и к родителям крестников становились «кумовьями». Отсюда и вошедший из народного обихода в литературу термин «кумовство». Понятие «кумовство» шире, чем сформулированное в каноническом праве «духовное родство», так как последнее подразумевает лишь брачные запреты лиц, находящихся в духовном родстве, а кумовство включает сверх того и целую систему взаимоотношений, охваченных этой связью лиц. Кумовство справедливо относят к «социально-религиозным институтам бытового православия»¹.

Кумовство, истоки кумовства, его генезис и принципы современного бытования относятся к одной из мало разработанных проблем советской этнографии. Этим вопросом в досоветский период занимались в основном историки церковного права². Они обращали внимание главным образом на выяснение времени появления восприемничества в христианстве и истории канонического права, касавшегося духовного родства и связанных с ним брачных запретов. Более конкретно эти вопросы рассматривались в руководствах для священнослужителей³.

В советской этнографии изучению кумовства посвящена очень интересная статья М. О. Косвена⁴. Он впервые обратил внимание на этнические различия восприемничества и поставил вопрос о месте кумовства в народных традициях.